

Н. В. Дубровская, А. А. Ким-Малони

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬКУПСКИХ ЛЕКСЕМ¹ (на примере *вас.*, *кет.*, *тым.*, *laga*, *laḡa*; *таз. laka*)

Селькупский язык относится к единственному живому языку южно-самодийской ветви самодийской группы уральской языковой семьи. Особенности семантики диалектов селькупского языка представляют интерес в связи с возросшим вниманием к вопросам лексической типологии в отечественном и зарубежном языкознании, и языков коренных народов Сибири, в частности. Данная статья посвящена проблемам, связанным с особенностями устройства семантической структуры селькупских лексем на примере диалектных вариантов *об.*, *вас.*, *кет.*, *тым.*, *laga*, *laḡa*; *таз. laka*. На наш взгляд, эта лексическая единица достойна специального исследования, так как представляет большой интерес с точки зрения реализации своей семантической структуры и способов ее представления в лексикографических источниках. Статья предлагает анализ примеров из фольклорных и лексикографических селькупских источников, выявивший разночтения, как в количестве выделяемых значений диалектных вариантов, так и в самой схеме представления семантической информации. Материалом для анализа послужили прозаические фольклорные печатные тексты, архивные записи Томского государственного педагогического университета, данные, полученные в ходе полевой работы с носителями нарымского диалекта и иванкинского говора селькупского языка, а также сравнительно-сопоставительного исследования, включающие данные как родственных, так и генетически несвязанных языков. В ходе анализа удалось установить, что семантическая структура языковой единицы в ряде словарей описывается как многозначное существительное, однако на самом деле такое описание с трудом отвечает иерархической схеме полисемии. Для полноты семантического исследования и описания особенностей семантики *об.*, *вас.*, *кет.*, *тым.*, *laga*, *laḡa*; *таз. laka* в анализ включены все сложные конструкции, входящие в состав соответствующей семантической парадигмы. Проведенное исследование показало, что для *об.*, *вас.*, *кет.*, *тым.*, *laga*, *laḡa*; *таз. laka* свойственна соотносённость с понятием широкого объема, характеризующим объекты, обозначающие отдельную часть чего-либо или некую совокупность однородных частей. Цель статьи заключается в том, чтобы на примере анализа семантики одной лексемы разработать стратегию представления семантической информации в селькупской лексикографии.

Ключевые слова: *селькупский язык, фольклорный текст, лексикография, диалекты селькупского языка, семантика, лексика, полисемия, многозначность, семантическая деривация, грамматикализация, лексиколизация.*

Подчеркивая неопределимый вклад авторов лексикографических работ по селькупским диалектам в разработку вопросов, связанных с изучением семантики селькупского языка, необходимо отметить, что в словарях по селькупским диалектам наблюдаются противоречия и в ряде случаев сложности с отображением семантической структуры *об.*, *вас.*, *кет.*, *тым.*, *laga*, *laḡa*; *таз. laka*. В словаре Н. П. Григоровского *об.* С лага ‘кусок, комок’ (Helimski, 1983: 107) (здесь и далее в примерах сохранена транскрипция источника материала). В словаре с грамматическим разбором по тазовскому диалекту, составленном Г.Н. Прокофьевым, *таз. laka* – ‘куча, комок, кусок’ и т.п. Словарная статья сопровождается комментарием автора о том, «что слово *laka* имеет крайне широкое применение», и иллюстрируется примерами конструкций, таких, как: *wəṣillaḡa* ‘кусок мяса’; *tiḡillaḡa* ‘челюсть’; *oḡillaḡa* ‘череп’, ‘голова (отделенная от туловища)’; *uṡillaḡa* ‘водяная лужа’; *kuṡillaḡa* (*kuṡil* от *kuṡi* ‘моча’), *tuṡillaḡa* (*tuṡil* от *tuṡ* ‘кал’) – последние два словосочетания являются ругательными (Прокофьев, 1935: 115).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70007 (анализ материала), сбор материала, который лег в основу статьи, выполнен при поддержке гранта Правительства РФ № 14.Y26.31.0014, проект «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

В словаре Ф. Г. Мальцева мы находим рассматриваемую языковую единицу только в составе словосочетаний: таз. ворга-улгалака ‘большая льдина’, таз. улгалака ‘льдина’, таз. сырытчарбалака ‘сугроб снега’ (Helimski, 2001: 35); таз. чапылюталака, чапылютылака ‘чай кирпичный’, ‘чай’ (Helimski, 2001: 23); таз. тьюль-садътылака ‘головня’ (Helimski, 2001: 51); таз. комдалака ‘копейка’, таз. коробълака ‘короб’ (Helimski, 2001: 57); таз. чатырыль-косылака ‘наковальня’ (Helimski, 2001: 61); таз. пузырь лака ‘пузырь’, таз. чугунка-лака ‘чугунка’ (Helimski, 2001: 23).

Эти словосочетания со ссылкой на материалы Ф. Г. Мальцева вошли в «Северноселькупский словарь» Е. А. Хелимского, который, к огромному сожалению, был не окончен в связи с безвременным уходом из жизни автора, однако представляет собой лексикографический труд, содержащий обобщения по всем печатным источникам тазовского диалекта. В «Северноселькупском словаре» Е. А. Хелимского таз. лака: ‘кусок, штука; ком, кучка’; есть указание также на использование таз. лака в качестве суффиксоида с сингулятивным значением (Северноселькупский словарь).

Ранее ученые-исследователи тазовского диалекта селькупского языка на основе полевых и текстовых материалов, полученных в 1970–1973 гг. и 1977 г., а также всестороннего их осмысления и изложения в виде «Очерков по селькупскому языку» (Кузнецова, 1980), отразили семантическую структуру тазовской языковой единицы лака значениями ‘штука, куча, кусок’ (Кузнецова, 1993: 123). При этом авторы указывали на то, что лака выступает в качестве суффиксоида как со значением сингулятива, так и собирательности.

Термин суффиксоид, который используется представителями московской лингвистической школы по изучению селькупского языка, кажется удачным, поскольку он, в отличие от термина суффикс, трактует -лака, как корневую морфему, выступающую в функции суффикса, а, следовательно, с одной стороны, данный термин указывает на степень грамматикализации лексической единицы, в состав которой входит -лака, с другой стороны, говорит о неполном завершении процесса грамматикализации.

Создатель словаря на родном языке селькуп С. И. Ириков описывает -ллака и -каллака как суффиксы со значением собирательности и в качестве самостоятельной части речи лака не рассматривает (Ириков, 1988: 223). В «Словаре селькупско-русском и русско-селькупском» С. И. Ирикова имеются следующие словосочетания: ыырралака ‘поляна’, ыутыллака ‘ельник’ (Ириков, 1988: 30); сырыллака ‘снежный ком’, поллака ‘поленница’, ыякаллака ‘березняк’ (Ириков, 1988: 223).

В словаре финского исследователя Я. Алатало семантика лексемы лака передана как нем. ‘Klumpen’ (глыба, сгусток, комок) (Alatalo, 2004: 395); у венгерского исследователя И. Эрдейи лака – это ‘кусок’, штука ком(ок), куча, лужа; пачка; кисть, пучок; полоска’ (Erdélyi, 1969: 114).

В «Селькупско-русском диалектном словаре» (2004 г.), в основу которого легли архивные материалы А. П. Дульзона, диалектные варианты лексемы морфологически отнесены к существительному со значениями 1) нечто круглое, шарик; 2) комок; 3) клубок; 4) моток; 5) кусок; 6) рубль (Селькупско-русский диалектный словарь, 2005: 111).

Насколько позволяет судить проведенный анализ семантики текстовых рукописных архивных, печатных и полевых фольклорных прозаических материалов по диалектным ареалам, в селькупском языке об., вас., кет., тым., лага, лауа; таз. лака зачастую выступает в качестве определяемого в сопровождении атрибута, которым чаще всего является имя (существительное или прилагательное), редко – наречие.

В табл. 1 приведены примеры сложных комплексов, в состав которых входит об., вас., кет., тым., лага, лауа; таз. лака. При исследовании сочетаемости этой лексемы, построение сопоставительных таблиц может применяться в качестве технического приема, наглядно отражающего способ членения явлений действительности лексическими средствами соответствующего языка. Данный прием позволяет изучать способ описания (членения) объектов живой

и неживой природы с помощью соответствующих признаков, и помогает увидеть, как определение, непосредственно примыкающее к анализируемой языковой единице, конкретизирует и соотносит ее с тем или иным классом предметов объективно наблюдаемой действительности. Также необходимо учитывать тот факт, что в морфологии селькупских диалектов вопрос отграничения прилагательного от существительного является открытым. Прилагательное селькупского языка не имеет специфических грамматических категорий (в отличие от существительного), а способность прилагательного выполнять роль определения свойственна не только прилагательным, но и именам существительным, местоимениям и числительным. Конструкции табл. 1 могут быть рассмотрены и как адъективные генитивные конструкциям, особенно, примеры языковых единиц, в которых вычленяется суффикс -l', в равной степени, соотносящийся с показателем адъективной формы для существительного, или, собственно, суффикса прилагательного. В связи с вышесказанным, предлагаем считать членение имени на прилагательное и существительное в табл. 1 условным.

Учитывая отсутствие эквивалента русского языка для дословного перевода конструкций, в состав которых входит об., вас., кет., тым., laga, laʎa; таз. laka, воспользуемся условным заимствованием из селькупского языка – «лага».

Таблица 1

Лексическая единица об., вас., тым., кет laga, laʎa; таз. laka и ее определяющие слова

Определение	Перевод определения	Конструкция	Дословный перевод	Литературный перевод
прил. об. Ч hiril	снежный	об. Ч hirillaga	снежная «лага»	‘снежок’
сущ. об. Ч tar	шерсть	об. Ч taritlaga	шерсти «лага»	‘моток шерсти’
сущ. об. Ч šeg; об. С s'eg	нити	об. Ч šegellaga; об. С s'egollaga	ниток «лага»	‘моток ниток’
сущ. вас. qʁe	железо	вас. qʁellaya	железа «лага»	‘кусок железа’
сущ. об. Ч ʁazʁ	мясо	об. Ч layam ʁazʁ	«лага» мяса	‘кусок мяса’
сущ. тур. кум	человек	тур. кумылака	«лага» человек	‘народ’
сущ. об. Ч n'aj	хлеб	об. Ч n'ajillaya	хлеба «лага»	‘кусок хлеба’
сущ. об. Ч tiβ	зуб	об. Ч tiβillaya	зуба «лага»	‘кусок зуба’
сущ. таз. ulqa	лед	таз. ulqallaka	льда «лага»	‘льдина’
сущ. таз. qōtyr	сукно	таз. qōtyryllaka	сукна «лага»	‘отрез сукна’
сущ. таз. kāsuy	железо	таз. kā syllaka	железа «лага»	‘наковальня’
сущ. таз. rō	дерево	таз. rōllaka	дерева «лага»	1) ‘палка’; 2) ‘деталь упряжи: приспособление в упряжи для крепления ремня к нарте’

Определение	Перевод определения	Конструкция	Дословный перевод	Литературный перевод
сущ. таз. oly	голова	таз. olyllaka	головы «лага»	‘череп’
сущ. таз. pü	камень	таз. püllaka, püllakal'a, püntylakyl'a, pül'a	камня «лага»	‘камушек’; ‘камень’
сущ. таз. lõmpu	круглый поплавок	таз. lõmpyl laka	круглого поплавка «лага»	‘круглый поплавок’
сущ. таз. tımy	зуб	таз. tımy (tımyt, tımyl') laka	зуба/ов «лага»	‘челюсть’
сущ. таз. nəkyg	узор, рисунок, письмо	таз. nəkyg (nəkygt, nəkygl') laka	узоров, рисунков, письма «лага»	‘книга, тетрадь’
прил. таз. säqqyl'	лесной, чащобный, непроходимый (о лесе)	таз. säqqyl' laka	лесная, непроходимая, чащобная «лага»	‘густолесье’
сущ. таз. һаһ, прил. һаһыл'	хлеб	таз. һаһlaka,	хлеба «лага»	‘буханка хлеба’
	хлебный	таз. һаһyllaka	хлебная «лага»	
сущ. таз. wəsy	мясо	таз. wəsyllaka (сущ. таз. wəsy в адъективной форме)	мяса «лага»	‘кусочек мяса’ (букв. мясной кусок)
прил. таз. ütyl	водный	ütyllaka	водная «лага»	1) ‘капля’; 2) ‘водяная мозоль’
нар. таз. r̄ny	редко	таз. r̄nyllaka	редко «лага»	‘бородавка, прыщ’
сущ. таз. maку	бревно	таз. maкуyllaka	бревна «лага»	‘бревно’
прил. таз. markyl	островной	таз. markyllaka	островная «лага»	‘остров’
таз. прил. mumlal' < гл. mulympuqo ‘говорить’ таз. прил. kəsyl'	говорящий железный	таз. mumlal'kəsyllaka	говорящая железная «лага»	‘погремушка’
прил. таз. һүtyl'	травяной	таз. һүtyl' mōtlaka	травяная дома «лага»	‘балаган, шалаш из травы’
сущ. таз. mōt	дом			
сущ. таз. meкty	кочка	таз. meкtynoyllaka	холмистоголовая «лага»	‘кочка, холм’
сущ. таз. oly	голова			
сущ. таз. muqquyl	узел	таз. muqquyllaka	узла «лага»	‘связка, вязанка’
сущ. таз. tü	огонь, костер	таз. tüllaka	огня «лага»	‘факел’

В северных диалектах имеется ряд географических терминов, в состав которых входит таз. laka. Это названия поселений или урочищ: таз. Ėtyllaka ‘Чум’, Cöllaka ‘Сосна’, Qəllaka ‘Возвышенность’ (или ‘Яр’) (Кузнецова, 1980: 72); названия гидронимов: таз. Küläl'-lakal'-kikä ‘Ручей, около которого много воронов’ (Кузнецова, 1980: 67), Ütyrmol'töllaka ‘Озеро с перетаском’.

Учитывая отсутствие длительной письменной традиции селькупского языка, сложные комплексы/конструкции табл. 1 можно рассматривать, и как соединение двух и более самостоятельных слов, т.е. словосочетания, а также как сложные единицы, обладающие различной степенью идиоматичности.

Анализ архивных материалов обнаруживает немногочисленные примеры безатрибутивного употребления данной языковой единицы в значениях чего-то неопределенного, круглого и рубля:

1. вас. Tap qail'da lagaр oralbat.
tap qail'da laga-p oralb-at
он что-то лага-GEN взять-PRS.3SG.ob
'он что-то круглое держит' (Селькупско-русский диалектный словарь, 2005: 111)
2. об. laga pl'eка 'пол рубля' (pl'eка 'половина')
(Селькупско-русский диалектный словарь, 2005: 111).

Отсутствие же контекстов употребления не позволяет уверенно говорить о семантике безатрибутивного употребления. Данные лингвистического и психолингвистического экспериментов, включавших работу с анкетами и опросниками по сбору фактического материала, показали, что современные носители нарымского диалекта и иванкинского говора селькупского языка не употребляют об. laga, лаҕа в каком бы то ни было из значений вне сложных комплексов. Однако, с другой стороны, в ходе эксперимента при произнесении слова-стимула, которым выступало об. laga, лаҕа, вне речевой ситуации носители демонстрируют устойчиво такие слова-реакции, как: русск. кусок, комок; клубок, моток.

Хотелось бы подчеркнуть, что в качестве значений в лексикографических трудах приводятся различные лексические единицы переводного языка, которые характеризуют результаты процесса формообразования или устройства различных объектов действительности, которые могут идти различными путями: либо путем соединения отдельных однородных частей (например, тур. кумылака 'народ'), либо путем отделения части от целого, исходного (например, об. Ч п'ajillaҕа 'кусочек хлеба').

При том, что объем понятия, выражаемого об., вас., кет., тым., laga, лаҕа; таз. лака, весьма широк, можно наблюдать определенную лексическую неопределенность или бессодержательность языковой единицы.

Как показывает анализ лексикографических работ по селькупским диалектам, например, «Селькупско-русский диалектный словарь» (Томск, 2005) и «Северноселькупский словарь» Е. А. Хелимского, Словарь к «Очеркам по селькупскому языку» (Москва, 1993), они описывают семантическую структуру рассматриваемой языковой единицы как структуру многозначного или широкозначного существительного. В выше указанных тазовских словарях также есть отражение процесса грамматикализации таз. лака, когда данная языковая единица выполняет функцию суффиксоида. Это может быть объяснено тем, что с точки зрения исследователя-носителя русского языка более «понятным» является подобная интерпретации лексической единицы с широким «пространным» значением. Такое значение, в свою очередь, создает условия для употребления данной лексемы в качестве суффикса (или в терминологии московской лингвистической школы – суффиксоида). Однако практически полное отсутствие примеров безатрибутивного употребления об., вас., кет., тым., laga, лаҕа; таз. лака в выделенных словарных значениях, может открыть вопрос о противоположной направленности языкового процесса, и интерпретации об., вас., кет., тым., laga, лаҕа; таз. лака как суффикса, который находится в процессе лексикализации.

С точки зрения выявления закономерностей и особенностей формирования семантической структуры интерес представляет анализ лексики, обозначающей отдельные части чего-

либо или некую совокупность однородных частей в других родственных и неродственных языках. Для наглядности данные приведены ниже в табл. 2.

Таблица 2

Семантика лексем, обозначающих отдельные части чего-либо или некую совокупность однородных частей

Язык	Лексема	Значения
Финский	läjä gukelma	‘куча, груда’ (Большой финско-русский словарь, 2007: 349); ‘куча, толпа’ (Большой финско-русский словарь, 2007: 538);
Саамский	куськ чагкь	1) ‘кусок, клочок, обломок, черепок’; 2) ‘отрывок’ (Саамско-русский словарь, 1985: 135); 1) ‘ком (снега)’; 2) ‘снежок, снежки’ (Саамско-русский словарь, 1985: 385)
Коми	тор	1) ‘кусок’, 2) ‘обрывок’; 3) ‘лоскут, лоскунок’; 4) ‘наставка, надставка’; 5) ‘сверток кудели, пучок, клочок’; 6) ‘осколок, обломок’; 7) ‘звено в оконном переплете’; 8) ‘отрывок’ (Безносикова, 2000: 642)
Ненецкий	лангӕхал”(д)	‘совокупность каких-л. однородных предметов – глыба, груда, куча, ком, группа и т.п.: тир’ лангӕхал’ ‘группа мелких облаков’; ты’ лангӕхал’ ‘несколько оленей, которые держатся вместе, выделившись из остального стада’; неро’ лангӕхал’ ‘кустарник, густо растущий в одном месте’; якэ’ лангӕхал’ ‘клуб дыма’; я’ лангӕхал’ ‘глыба земли’; лангӕхалко’ ‘комочек’; лангӕхалацё’ ‘комочек’; сарё’ лангӕхал’ ‘внезапный и непродолжительный дождь, ливень’; хад’ лангӕхал’ ‘наиболее сильный порыв выюга’ (Ненецко-русский словарь, 1965: 177)
Марийский	моклака	в «Мокшанско-русском словаре» – I ‘полено’; II ‘комочек, кусок’ (Мокшанско-русский словарь, 2003: 121); в «Словаре Марийского языка» – 1) ‘ком, комочек, кусок чего-л.’; 2) ‘шишка, округлая выпуклость, бугорок на теле человека и животного’; 3) ‘чурбан, брусок, обрубок чего-л.’; 4) бранное слово ‘чурбан; малоподвижный, безынициативный, бестолковый человек’ (Словарь марийского языка, 1998: 69-70);
Хантыйский	рај	1) ‘куча; стог; остров’; 2) ‘туча’; 3) ‘гром’ (Steinitz, 1966: 1102);
Мансийский (вогульский)	lämt (lōmt)	‘кусок, штука, часть, капля’ (Munkacsı, 1986: 264);
Кетский	силь si:l лянт kudəp	‘куча вещей’ (Вернер, 2002: 77); ‘комочек’ (Поротова, 2002: 60); ‘куча’ (во множественном числе s’il – пук, пучок) (Поротова, 2002: 212); 1) ‘кусок’; 2) ‘часть’ (Вернер, 2002: 69); s’ul’ämten ‘пятна сухой крови’ (s’ul’ ‘кровь’) (Поротова, 2002: 45); ‘толпа, связка, куча’ (Поротова, 2002: 139)
Алтайский	болчок	‘кусок’ (Русско-алтайский словарь, 1964: 271); ‘комочек’ (Русско-алтайский словарь, 1964: 252);
Эвенский	чурубэ	1) ‘куча’; 2) ‘крошки’ (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, 1975: 416);

Мордовские (эрзянский и мокшанский)	пал (pal)	‘кусок, долька’ (Вершинин, 2005: 326); в Эрзянско-русском словаре – ‘кусок (только о продуктах)’ (Коляденков, 1949: 158);
	pokol’	в «Мордовском словаре Х. Паасонена» – pal ‘кусок, кусок мяса, ступица свёкол’ al-pal ‘кусок яйца’; čavkañ pal ‘дятельник’; jablikpal ‘кусок яблока’; komadoñpal ‘фурункул, золотуха, шишка, чирей, нарыв на бедре’; varseñ pal ‘клевер’ (Мордовский словарь Х. Паасонена, 1990: 1510-1511);
	эрз. поколь	‘ком, комок’; ‘гнойный нарыв’; ‘(цветочная) почка’; kev-pokol’ ‘каменная глыба’; kši-pokol’ ‘кусок хлеба’; moda-pokol’ ‘комочек земли’; sija-pokol’ ‘самородное серебро’ (Мордовский словарь Х. Паасонена, 1990: 1722); 1) ком; 2) кусок (напр. сахара); 3) перен. комочек (спазм при волнении) (Эрзянско-русский словарь, 1993: 492);
	мокш. поколь	I) 1) ком, комочек; 2) кусок – часть, порция; 3) кусок – одна единица чего-л., изготавливаемого штучно; 4) шишка; II) клёцки – кушанье из теста в виде круглых комочков, которые варятся в воде без начинки (Гаврилов, 1999: 505);

Таким образом, семантико-типологические соответствия обнаруживаются в ряде других родственных и неродственных языков. Как показывает табл. 2, семантическая структура таких лексем изображена: 1) схемой широкозначного слова; 2) или схемой устройства полисемии. В первом случае значение передано при помощи приема, когда по причине отсутствия переводного эквивалента, используется перечисление через запятую лексем переводного языка, отражающих вкуче значение слова. Во втором случае значения нумеруются согласно схеме порождения производных (второстепенных) значений из исходного (основного).

Однако, как и в случае с селькупской лексемой, в упомянутых словарях имеются разночтения в рамках лексикографических работ одного языка, и принцип выделения основного и второстепенных значений неясен, например, в хантыйском языке *paĵ* 1) ‘куча; стог; остров’; 2) ‘туча’; 3) ‘гром’ (Steinitz, 1966: 1102). Вместе с тем, словарь ненецкого языка, в котором значение лексемы *лаңгӕхал* (д) представлено описательно, по нашему мнению, нагляднее всего демонстрирует реальное устройство семантики соответствующей языковой единицы ненецкого языка.

Проведенный анализ позволяет прийти к конкретным выводам относительно семантической структуры исследуемой языковой единицы и предложить следующий семантический портрет лексемы, по нашему мнению, адекватно отражающий семантическую информацию, заложенную в ней: для таз., тур. *laĸa*, об., кет., тым., вас. *laĸa*, *laĸa* характерна соотносённость с весьма широким понятием, которое может характеризовать предмет или явление действительности, обозначающее отдельную часть чего-либо или некую совокупность однородных частей, ср., тур. *kumylaka* ‘народ’ (*kum* ‘человек’), об. Ч *n’ajillaĸa* ‘кусок хлеба’ (*n’aj* ‘хлеб’), таз. *tjmy* (*tjmyt*, *tjmyl*) *laĸa* ‘челюсть’ (*tjmy* ‘зуб’).

Обзор лексикографических работ свидетельствует об актуальности и практической востребованности поиска стратегии представления семантической информации, способной более полно и глубоко отражать структуру значения селькупских лексем. Лексикографическая практика в селькуповедении, безусловно, очень тесно связана с семантикой как наукой и предполагает осмысление как общих принципов репрезентации значения, так и систематизации словарного состава селькупского языка. Однако разработка принципов и методов представления семантики лексем бесписьменных и младописьменных языков в двуязычных словарях до настоящего времени не проводилась в полном объеме. Настоящая работа на примере отдельной языковой единицы демонстрирует наличие ряда проблем, связанных с вопросами точности, полноты и единообразия подаваемой в селькупских словарях информации.

Основными выводами по итогам настоящей работы можно считать следующие:

1. Семантическая информация в селькупских лексикографических материалах будет более полной при учете возможных расхождений семантики диалектных вариантов.
2. На сегодняшний день в селькупской лексикографии не используются пометы для представления семантической информации, не имеющей прямых переводных эквивалентов в переводящем языке.
3. При отражении информации, которая не находит эквивалентных средств при переводе, реальное устройство семантики целесообразно представлять, прибегая к описательным стратегиям передачи значений.
4. Дальнейшими шагами по совершенствованию селькупской лексикографии может стать создание объяснительных, толковых, тезаурусных словарей селькупского языка.

Список литературы:

- Безносикова Л. М.** Коми-роч кывчукор / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 816 с.
- Большой финско-русский словарь / И. Вахрос, А. Щербаков; под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. – 7-е изд., стер. – М.: Живой язык, 2007. – 816 с.
- Вернер Г. К.** Словарь кетско-русский и русско-кетский: учеб. пособие для учащихся начальной шк. – 2-е изд., перераб. / Г. К. Вернер. – СПб.: Дрофа, 2002. – 240 с.
- Вершинин В. И.** Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков / В. И. Вершинин. – Йошкар-Ола: Стринг, 2005. – Т. 3.
- Гаврилов Н.** Русско-мордовский словарь. Мокшанско-эрзянское наречие. С приложением кратких сведений из этимологии / Н. Гаврилов. – Пенза, 1899. – 54 с.
- Ириков С. И.** Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособие для учащихся начальной шк. / С. И. Ириков. – Л.: Просвещение. Ленинг. отд-ние, 1988. – 224 с.
- Коляденков М. Н.** Эрзянско-русский словарь / М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1949. – 292 с.
- Кузнецова А. И.** Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 412 с.
- Кузнецова А. И.** Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 196 с.
- Мордовский словарь Х. Паасонена: в 4 т. / сост. К. Хейккиля. – Хельсинки, 1990. – Т. 1.
- Ненецко-русский словарь. Около 22000 слов / сост. Н. М. Терещенко. – М.: Сов. Энцикл., 1965. – 943 с.
- Поротова Т. И.** Словарь говорных форм кетских существительных (с формами множественного числа) / Т. И. Поротова; ред. Е. Г. Которовой, Е. А. Клопотовой. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2002. – 282 с.
- Прокофьев Г. Н.** Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика / Г. Н. Прокофьев. – Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. – Ч. 1. – 138 с.
- Русско-алтайский словарь. Количество слов 30000 / под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Сов. энцикл., 1963. – 876 с.
- Саамско-русский словарь: 800 слов / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. – М.: Рус. яз., 1985. – 568 с.
- Северноселькупский словарь [Электронный ресурс] / сост. Е. А. Хелимский // Universität Hamburg. – Электрон. текст. дан. – Hamburg, 2011. – URL: http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary (дата обращения: 19.11.2018).
- Селькупско-русский диалектный словарь / В. В. Быконя, Н. Г. Кузнецова, Н. П. Максимова; под ред. В. В. Быконя. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. – 348 с.
- Словарь марийского языка / гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. – Т. 5.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / под ред. В. И. Цинциуса. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. – 690 с.
- Эрзянско-русский словарь: около 27000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР; под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. – М.: Рус. яз.; Дигора, 1993. – 803 с.
- Alatalo J.** Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammenge stellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. – Helsinki, 2004. – 466 s.
- Erdélyi I.** Selkupisches wörterverzeichnis tas-dialekt von István Erdélyi. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969. – 316 s.
- Helimski E.** Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903) / E. Helimski, U. Kahrs. – Hamburg, 2001. – 165 s.

Helimski E. The language of the first selkup books / E. Helimski. – Szeged, 1983. – 269 s.

Munkacsi B. Wogulisches Wörterbuch / B. Munkacsi, B. Kalman. – Budapest: Akademiai kiado, 1986. – 950 s.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1966. – 1992 s.

Список сокращений:

вас. – васюганский диалект, кет. – кетский диалект, об. – обский ареал (об. С, Ш, Ч), об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ч – обские говоры Чумылькуп, об. Ш – обский говор Шёшкун и Шешкуп, русск. – русский язык, таз. – тазовский диалект, тым. – тымский диалект, GEN – генетив, PRS – настоящее время, .3 – 3 лицо, SG – единственное число, об – объектный тип спряжения.

Дубровская Наталья Викторовна

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061

кандидат филологических наук, доцент кафедры Славянской филологии и межкультурной коммуникации.

Томский государственный университет.

старший научный сотрудник

пр. Ленина, 36, Томск, Россия 634000.

E-mail: rurar@yandex.ru

Ким-Малони Александра Аркадьевна.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

доктор филологических наук, профессор кафедры Славянской филологии и межкультурной коммуникации.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Материал поступил в редакцию 21 ноября 2018 г.

N. V. Dubrovskaya, A. A. Kim-Maloni

THE ORGANIZATION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE SELKUP LEXEMES (on the example of Vas., Ket., Тым., laga, laҕa; Taz. laka)

The Selkup language belongs to the only living language of the South Samoyed branch of the Samoyed group of the Ural language family. The peculiarities of the semantics of the Selkup dialects are of interest in connection with the increased attention to the issues of lexical typology in domestic and foreign linguistics, and to the languages of the indigenous peoples of Siberia, in particular. This article is devoted to the problems associated with the organization of the semantic structure of Selkup lexemes on the example of Vas., Ket., Тым., laga, laҕa; Taz. laka. In our opinion, this lexeme is worthy of special study, since it is of great interest from the point of view of the implementation of its semantic structure and the ways of its representation in lexicographical sources. The article offers an analysis of examples from folklore and lexicographic Selkup sources, which revealed discrepancies both in the number of distinguished values of dialect variants, and in the very scheme of presentation of semantic information. Prose folklore published texts, archival records of Tomsk State Pedagogical University, field work with native speakers of the Narym dialect and Ivankino dialect of the Selkup language, as well as comparative research, including data from both related and genetically unrelated languages, served as material for analysis. During the analysis, it was possible to establish that the semantic structure of a lexical unit in a number of dictionaries is described as a polysemantic noun, but in fact such a description hardly answers the hierarchical scheme of polysemy. For completeness of semantic research and description of the features of the semantics of Vas., Ket., Тым., laga, laҕa; Taz. laka the analysis included all the complex structures that are part of the relevant semantic paradigm. A study has shown that Vas., Ket.,

Tym., laga, laҗa; Taz. laka is characterized by correlation with the concept of a broad scope, characterizing objects that denote a separate part of something or a certain set of homogeneous parts. The goal of the article is to develop a convenient strategy for the presentation of semantic information in Selkup lexicography using the analysis of the semantics of one lexeme as an example.

Key words: *Selkup language, folklore text, lexicography, dialects of Selkup language, semantics, vocabulary, polysemy, semantic derivation, grammaticalization, lexicolization.*

References:

- Alatalo J.** Sölkupisches wörterbuch aus aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammenge stellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. – Helsinki, 2004. – 466 p.
- Beznosikova L. M.** Komi-roch kyvchukör / L. M. Beznosikova, E. A. Ajbabina, R. I. Kosnyreva [Komi-Russian dictionary]. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo, 2000. – 816 p. (in Russian)
- Bol'shoj finsko-russkij slovar' / I. Vahros, A. Ssherbakov; pod red. V. Ollykajnen, I. Salo. – 7-e izd., ster. [The big Finnish-Russian dictionary]. – M.: Zhivoj yazyk, 2007. – 816 p. (in Russian)
- Erdélyi I.** Selkupisches wörterverzeichnis tas-dialekt von István Erdélyi. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969. – 316 p.
- Erzyansko-russkij slovar': okolo 27000 slov / NII yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Pravitel'stve Mordovskoj SSR; pod. red. B. A. Serebrennikova, R. N. Buzakovoј, M. V. Mosina [Erzya-Russian dictionary: words vocal 27000]. – M.: Rus. yaz., Digora, 1993. – 803 p. (in Russian)
- Gavrilov N.** Russko-mordovskij slovar'. Mokshansko-erzyanskoe narechie. S prilozheniem kratkih svedenij iz etimologii / **Gavrilov N.** [Russian-Mordovian dictionary. Moksha-Erzya dialect. With the application of brief information from the etymology]. – Penza, 1899. – 54 p. (in Russian)
- Helimski E. A.** Severnosel'kupskij slovar' / E. A. Helimski [North Selkup Dictionary] // Taz_Selkup_Dictionary. (in Russian). URL: http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary (accessed: 19.11.2018). (in Russian)
- Helimski E.** Nordselkupisches wörterbuch von F.G. Mal'cev (1903) / E. Helimski, U. Kahrs. – Hamburg, 2001. – 165 p.
- Helimski E.** The language of the first selkup books / E. Helimski. – Szeged, 1983. – 269 p.
- Irikov S. I.** Slovar' sel'kupsko-russkij i russko-sel'kupskij: posobie dlya uchaschihsya nachal'noj shk. / S. I. Irikov [Selkup-Russian and Russian-Selkup dictionary: manual for primary school students]. L.: Prosveschenie. Lening. otd-nie, 1988. – 224 p. (in Russian)
- Kolyadenkov M. N.** Erzyansko-russkij slovar' / M. N. Kolyadenkov, N. F. Cyganov [Erzya-Russian dictionary]. – M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1949. – 292p. (in Russian)
- Kuznecova A. I.** Oчерки po selkupskomu jazyku. Tazovskij dialect / A. I. Kuznecova, E. A. Xelimskij, E. V. Grushkina [Essays on the Selkup language. Taz dialect] – Moscow: Moscow University Press, 1980. – 413 p. (in Russian)
- Kuznecova A. I.** Oчерки po selkupskomu jazyku. Tazovskij dialect / A. I. Kuznecova, O. A. Kazakevitch, L. Ju. Ioffe, E. A. Xelimskij [Essays on the Selkup language. Taz dialect] – Moscow: Moscow University Press, 1993. – 197 p. (in Russian)
- Mordovskij slovar' H. Paasonena: v 4 t. [Mordovian dictionary of H. Paasonen] / sost. K. Hejkkilya. – Hel'sinki, 1990. – T. 1. (in Russian)
- Munkacsi B.** Wogulisches wörterbuch / B. Munkacsi, B. Kalman. – Budapest: Akadémiai kiado, 1986. – 950 p.
- Nenecko-russkij slovar'. Okolo 22000 slov / sost. N. M. Tereschenko [Nenets-Russian dictionary. About 22000 words]. – M.: Sov. Encikl., 1965. – 943 p. (in Russian)
- Porotova T. I.** Slovar' govornyh form ketskih suschestvitel'nyh (s formami mnozhestvennogo chisla) / T. I. Porotova ; red. E. G. Kotorovoj, E. A. Klopotovoj [Dictionary of the dialect forms of the Ket nouns (with plural forms)]. – Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2002. – 282 p. (in Russian)
- Prokof'ev G. N.** Sel'kupskij (ostyako-samoedskij) yazyk. Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika / G. N. Prokof'ev [Selkup (Ostyako-Samoyed) language. Selkup (Ostyako-Samoyed) grammar]. – L.: Izd-vo in-ta narodov Severa CIK SSSR, 1935. – CH. 1. – 138 p. (in Russian)
- Russko-altajskij slovar'. Kolichestvo slov 30000 / pod red. N. A. Baskakova [Russian-Altai dictionary. Number of words 30000]. – M.: Sov. encikl., 1963. – 876 p. (in Russian)
- Saamsko-russkij slovar': 800 slov / N. E. Afanas'eva [i dr.]; pod red. R. D. Kuruch [Sami-Russian dictionary: 800 words]. – M.: Rus. yaz., 1985. – 568 p. (in Russian)
- Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / V. V. Bykonya, N. G. Kuznecova, N. P. Maksimova; pod red. V. V. Bykonya [Selkup-Russian dialect dictionary]. – Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2005. – 348 p. (in Russian)

Slovar' marijskogo yazyka / gl. red. I. S. Galkin [Dictionary of the Mari language]. – Joshkar-Ola: Map. kn. izd-vo, 1998. – T. 5. (in Russian)

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovarju / pod red. V. I. Cinciusa [Comparative dictionary of Tungusic-Manchurian languages. Materials for etymological dictionary]. – L.: Nauka, 1975. – T. 1. – 690 p. (in Russian)

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches wörterbuch der ostjakischen sprache. – Berlin, 1966. – 1992 p.

Verner G. K. Slovar' ketsko-russkij i russko-ketskij: ucheb. posobie dlya uchaschihsya nachal'noj shk. – 2-e izd., pererab. / G. K. Verner [Dictionary of Ket-Russian and Russian-Ket]. – SPb.: Drofa, 2002. – 240 p. (in Russian)

Vershinin V. I. Etimologicheskij slovar' mordovskih (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov / V. I. Vershinin [Etymological dictionary of Mordovian (Erzya and Moksha) languages]. – Joshkar-Ola: String, 2005. – Vol. 3. (in Russian)

Dubrovskaya Natalia Victorovna.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

candidate of Sciences, associate professor of Slavic Philology.
and Intercultural Communication Department

E-mail: *ruraru@yandex.ru*

Kim-Maloney Alexandra Arkadieвна.

Tomsk State Pedagogical University.

Doctor of Philology, Professor of Slavic Philology and Intercultural Communication Department.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: *alexandrakim@hotmail.com*